

Ольга ЧЕЛЮКАНОВА родилась в Приморском крае. Окончила Литинститут им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Пишет стихи и прозу. Переводила с латышского, болгарского, украинского. Живёт в Москве.

* * *

Хоть светлей высоким небесам,
Дерева метелями повиты.
Но цветёт орешник по лесам.
И вороны стали деловиты.

В хладном феврале зову весну.
Мне её предсказывают птицы.
И вплетён в большую тишину
Драгоценный голосок синицы.

* * *

О, влага благодатная сонета!
Течение мысли в переливах ритма.
Не будешь никогда ты позабытым,
Иные жанры не сживут со света.

Вселенная сонета — без предела.
Философичен. Плавен. Яроч. Страстен.

И часто горек. Сахарные сласти,
Да мишура — в сонете не у дела.
В тебе простое — далеко не просто...
Скоропалительных не дашь советов,
Которых жаждут «нежные невежды».

Как часто ты закончен парадоксом,
Или вопросом смелым — без ответа,
Или ответом честным — без надежды...

ФОНТАН ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Вышли пятнадцать сестриц, пятнадцать девушек
погулять.
На людей гуляющих посмотреть, себя показать...

На них короны, на них султаны из перьев,
На них мониста...
Они из древних поверий Пери,
А ты, я чай, — коммунистка?

В каком сундуке сарафан твой спрятан,
Кокошник и поволока?
Не из ближних времён пришла сюда ты.
— Издалёка...

В былые года красовалась ты, в шелках,
да в парче,
Носила воду студеную
на царственном правом плече,
На радужном коромысле,
а вёдрышки —
Луна да Солнышко!..

Но сундуки, как есть, — пусты.
Пораскулачены.

И твои милые черты
переиначены.

Лицо худое и бледное,
как при туберкулёзе.
Платочек ситцевый выцвел.
Да руки как будто в навозе...

Все с иголочки, как на выставку,
Знай, позвякивают монистами
Подружки твои — как из эпосов своих этносов,
Как из праздничных хороводов своих народов...
Из Манаса... Из Гильгамеша...
А ты — с фермы, а может, с выпаса,
Чуть помешкав.

Те с праздника или на праздник.
А ты с работы на работу.
Немного скульптор несуразно
Изобразил тебя с налёту,
Будто быстрый селькор тебя щёлкнул
Так, что ты золотистую чёлку
Не успела поправить...
Ну, а может,
Никому угодить не хотела,
Не желала потрафить.

Только всё ж, только всё ж.
Или «времечко» подшутило,
Или золота не хватило.
Для тебя —
твоего ж!

То, что в небо вмёрз, доказывать не нужно.
Это вовсе не фантазии мои.

Вспоминаю я фонтан «Народов Дружбы»
И его заледенелые струи...
И снег ложится на красоты этих див.
И трубы все заиндевели...
А ты, тишайшая, ресницы уронив,
Живёшь.
И дышишь еле-еле...
И в особо неласковый вечер
Лед кровавым софитом подсвечен.

Вышли пятнадцать сестриц, пятнадцать девушек
погулять.
На людей гуляющих посмотреть, себя показать...

Твой чёрный чёлн давно отчалил...

Ты живомужняя вдова.
Предмет напрасный в мире этом.
Не пользуясь авторитетом,
Ты и жива едва-едва...

Ты — живомужняя вдова.
Твой чёрный чёлн давно отчалил.
Не помнишь, как тебя венчали.
Должно быть, ты была мертва...

А за стеною — спит ребёнок.
Он видит лишь плохие сны.
Отец и мать, как две стены,
Как две жестокие войны,
А сон ребёнка — слишком тонок...

Ты — живомужняя вдова.
В тебе любовь вопит безгласно!
Я помню: ты — была — прекрасна !

Но его чёрные слова
Твою природу изменили.
Вне естества...
Вне божества...
Ты — живомужняя вдова.

* * *

Оглянись, моя Осень,
Тем самым, хотя ненадолго, — останься!
Королева суровых, последних, поспешных пиров,
Ты бросай — я поймаю
Светлейшие струнные вальсы
И охапки щедрейших, но всё-таки хрупких даров!

Оглянись, моя Осень.
Увы, говорить бесполезно: «Останься!»
Твой характер меняется с каждым упавшим листом.
Ты ступаешь тишайше,
Слагая старинные, стройные стансы,
Но ни слова, ни жеста уже не прибавишь потом...

Оглянись, моя Осень.
И мне заодно прикажи — оглядеться,
Отдышаться, одуматься, сделать поправки к судьбе.
Ты идёшь безоглядно.
По следу скользит за тобой моё сердце.
Ты в плену у меня. Я себя заточила в тебе.

ПОЧЕМУ МОЛЧАТ КОТЫ?

Почему молчат коты,
На вопрос ответишь ты?
Почему они не воют
В пароксизмах маеты?

Почему ночами марта
Я не слышу их вокруг?

Где же он, волшебный звук,
Что желаний их не скроет?

Под окном стояла липа;
Умещалось на ней
Столько воя, плача, скрипа,
Острых глазок и когтей...

Там всю ночь они сидели
И, в невидимой борьбе,
И не спали, и не ели —
Заявляли о себе!

А теперь они молчат.
Размножаться не хотят.
Не хотят ни милых кошек,
Ни котят — пушистых крошек...

Почему молчат коты,
На вопрос ответишь ты?

... Говорят, спилили липу,
Чтоб найти местечко джипу.

* * *

Всё пора начинать нам наново.
И привозит мне мил дружок
Сувенирчик из Балабанова —
Спичек серенький коробок.
А как первая спичка вспыхнет —
В сердце старая боль утихнет.
А вторая отполыхает —
На душе тоска утихает.
Ну, а третья чадит... чадит...
То судьба надо мной чудит.

